

НЕПОБЕДИМАЯ И ЛЕГЕНДАРНАЯ
К 100-ЛЕТИЮ СОВЕТСКОЙ АРМИИ

ЮРИЙ
МУХИН

**АРМИЯ
ПОБЕДЫ**

Юрий Мухин
Армия Победы

«Алгоритм»

2010

УДК 94(47+57)"1941/45"
ББК 63.3(2)622

Мухин Ю. И.

Армия Победы / Ю. И. Мухин — «Алгоритм», 2010

ISBN 978-5-907024-02-1

«Непобедимой и легендарной» называли Советскую Армию в СССР — в 2018 году исполняется 100 лет ее образования. На счету Советской Армии много славных побед, но самая главная из них, безусловно, — победа в Великой Отечественной войне. В своей книге Юрий Мухин, известный писатель и публицист, военный историк, последовательно разбирает все причины, приведшие к этой великой Победе, не оставляя, впрочем, без внимания и причины, приведшие к поражениям на начальном этапе войны. Ю. Мухин показывает, кто мешал, а кто помогал сделать Советскую Армию подлинно непобедимой, способной разгромить мощнейшие армии гитлеровской Германии и ее союзников; что делалось в Советском Союзе для того, чтобы, по словам автора, «обстоятельства, являющиеся причинами победы, были усилены до нужной величины».

УДК 94(47+57)"1941/45"
ББК 63.3(2)622

ISBN 978-5-907024-02-1

© Мухин Ю. И., 2010
© Алгоритм, 2010

Содержание

Предисловие	5
Глава 1	7
Глава 2	14
Глава 3	26
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Юрий Игнатьевич Мухин

Армия Победы

Предисловие

Еще в 1996 г. в газете «Дуэль» в статье «В дерьме Россия. Думать надо» я написал:
«В войне побеждают не армии, а государства. Армии лишь уничтожают войска противоборствующей стороны.

Государство, способное победить любого противника, является лучшим гарантом мирной жизни своих граждан.

Объектом нападения всегда является слабый или тот, кого считают слабым. Работает старый римский принцип: хочешь мира – готовься к войне. Готовое к войне государство охладит любую горячую голову.

Готовое к войне государство – это готовое к Победе в войне государство. Это государство, в котором максимально устранены все причины, ведущие к поражению, а обстоятельства, являющиеся причинами победы, усилены до нужной величины.

Надо ли доказывать, что всю эту работу необходимо делать в мирное время? Именно для того, чтобы это мирное время сохранить.

Мы начинаем работу, в которой будем последовательно разбирать все причины, приведшие к Победе в Великой Отечественной войне, и все причины, приведшие к поражениям на начальном ее этапе.

Читатель воскликнет – да сколько же можно? Уже все причины давно исследовали и описали – от того, как Сталин прятался под кроватью от известия о начале войны, до того, что перед войной было убито НКВД 50 тысяч самых лучших генералов и 60 млн. советских граждан в придачу. И кто только этим ни занимался – от подлого (выдающегося?) предателя Резуна (Суворова), до не менее подлого (выдающегося?) генерал-полковника поповской службы Волкогонова.

Хорошо! Все уже описано. Но значит ли это, что мы хотя бы чему-то научились?..»

Именно поэтому я написал эту книгу, в которой постараюсь рассмотреть причины побед и поражений в войне. Не для вящей славы нашей Родины (прославят ее и без меня) и не для унижения ее (и таких мерзавцев сейчас хоть пруд пруди), а для того, чтобы у истории чему-нибудь научиться, приобрести что-либо полезное для сегодняшнего дня.

* * *

Итак, я полагаю, что Победу в войне одержит государство, которое в мирное время заботится о том, чтобы иметь:

1. Сильную армию.
2. Надежных союзников.
3. Высокий морально-патриотический уровень народа.

Но, главное, есть причина с номером 0 – государство должно иметь правительство, понимающее, что для обеспечения мира своего народа три перечисленных выше составляющих государство должно иметь. Это уж, как говорится, само собой...

Для создания сильной армии государство в мирное время должно позаботиться, чтобы:

- 1.1. Развитие экономики дало возможность оторвать от сферы производства необходимое для армии количество людей.
- 1.2. Научить этих людей науке и искусству уничтожать войска противника.

1.3. Оснастить их современным оружием и боевой техникой.

Для создания надежных союзников необходимо в мирное время:

2.1. Заботиться о своих союзниках и помогать им, укрепляя дружбу.

2.2. Вызвать ссоры и напряжение в стане союзников противника.

Для создания высокого морально-патриотического уровня в мирное время необходимо:

3.1. Создать в стране общественное мнение о службе Родине как о высшем предназначении человека, как о цели его жизни.

3.2. Не желающих служить Родине перевести в разряд изгоев.

3.3. Чтить и возвеличивать героев на службе Родине, при их недостатке – создавать героев искусственно.

Короче – мирные договоры со всеми странами, ООН и прочее – это очень хорошо. Но если к этому добавить и государство, способное победить в войне, то это не только хорошо, но и надежно. Потому что еще Никколо Макиавелли заметил, что любят тебя по желанию того, кто любит, а боятся – по твоему собственному. И гораздо разумнее опираться на то, что зависит от тебя, а не от других.

Давайте думать всем миром, товарищи. Давайте искать и обсуждать. Мы не подумаем – за нас никто не подумает. Мы не найдем выхода – кто за нас его найдет?..

Глава 1

Война как лекарство от глупости

Думаю, что в вопросе о расширении НАТО на Восток, мы ведем себя так, как хотят наши противники – мы этому сопротивляемся. А надо ли?

Эти сомнения пришли мне в голову, когда я задумался о советско-финской войне – о самой глупой войне нашего столетия.

Прежде всего, поговорим о защите Ленинграда. Ленинград с военной точки зрения чрезвычайно уязвим. Даже без авиации для сильного вражеского флота взятие Ленинграда не является большой проблемой. Для главных калибров артиллерии вражеских линкоров Кронштадт не велика помеха, а при захвате ленинградских гаваней подвоз войск морем превращает Ленинградскую область в район, из которого вражеская армия легко может наносить удары в сердце и России, и потом СССР.

Поэтому и у царей главной идеей обороны Петербурга было недопущение флота противника к петербургским подступам. Для этого Финский залив и все подходы к нему в Первую мировую войну перегораживались минными заграждениями. Но мины можно снять. Поэтому главной задачей Балтийского флота было недопущение прорыва этих минных позиций – его корабли должны были топить корабли противника при попытке ими снять мины.

Но царю было проще. Если вы взглянете на карту Российской империи, то увидите, что северный берег Финского залива – это Финляндия, входившая тогда в состав Российской империи, а южный берег – это имперская Прибалтика. Балтийский флот был везде дома, по обоим берегам залива стояли его береговые батареи, прикрывавшие минные поля и не дававшие вражеским кораблям пройти мимо них к Петербургу.

Еще за день до объявления Первой мировой войны вице-адмирал Эссен, командующий Балтфлотом, на линии Таллин – Хельсинки (Центральная позиция) выставил более трех тысяч мин, затем их количество было доведено до 8 тысяч, с финского и эстонского берегов позицию защищали 25 береговых батарей, на которых было 60 только 305-мм мощнейших орудий, стрелявших снарядами весом в полтонны. Поэтому за всю войну немцы практически не делали серьезных попыток прорваться к Петрограду.

Но ведь в СССР после революции от этого ничего не осталось. Южный берег почти весь был у Эстонии, а от финской границы можно было обстреливать Ленинград из полевых орудий. Мины, конечно, можно было поставить, но не защищенные с берега, они были бы моментально сняты. Положение и Ленинграда, и СССР по своей беззащитности было трагическим.

* * *

Гитлер в «Майн кампф» не скрывал, что рейх будет построен на территориях СССР. Поэтому, когда 12 марта 1938 года Германия присоединила Австрию, для СССР это был первый звонок. И в апреле 1938 года финскому правительству тайно поступили первые советские предложения. СССР просил Финляндию гарантировать, что она окажет сопротивление немцам в случае нападения на нее, для чего Советский Союз предлагал свои войска, флот и оружие. Финны отказались от этого.

СССР искал варианты. К осени он уже не предлагал прямого договора, не предлагал войск, а лишь просил договор о защите берегов Финляндии Балтфлотом, если Финляндия подвергнется нападению немцев. Финны отказались и даже не пытались продолжить переговоры. А между тем Англия и Франция уже предали Чехословакию и СССР в Мюнхене. Союз-

ник СССР – Франция отказалась защищать Чехословакию, второй союзник – сама Чехословакия сдала немцам Судетскую область без выстрела. Стало ясно, что для Запада все эти договоры не более чем бумажка. Для защиты Ленинграда требовалось что-то более реальное, требовался расчет только на собственные силы.

В октябре 1938 года СССР предложил финнам помощь в постройке военной базы на финском острове Гогланд в Финском заливе и права, если Финляндия не справится с обороной этого острова, оборонять его. Финны отказались.

Тогда Советский Союз попросил у Финляндии в аренду на 30 лет четыре маленьких острова в Финском заливе. Финны отказались.

Тогда СССР попросил обменять их на свою территорию. На этом этапе о переговорах узнал бывший храбрый (орден Святого Георгия) генерал русской армии, а к тому времени главнокомандующий финской армией, маршал Маннергейм. Он немедленно предложил финскому правительству обменять не только запрошенные острова, но и территорию Карельского перешейка, о которой советская сторона даже не вспоминала. Это говорит о том, насколько понятны с военной точки зрения были просьбы Советского Союза. Насколько глупы были последующие утверждения о том, что СССР, якобы, хотел «захватить» Финляндию.

В марте 1939 года Германия со своим союзником Польшей полностью оккупировала Чехословакию. В этих условиях у Советского Союза практически сформулировались окончательные предложения Финляндии: сдать ему в аренду на 30 лет участок земли на мысе Ханко (у входа в Финский залив) и обменять с выгодой финскую территорию Карельского перешейка (до оборонительной линии Маннергейма) на значительно большую территорию СССР. Причем, именно мыс Ханко был главной просьбой. И это видно по переговорам.

Когда финны вроде бы согласились передвинуть границу на Карельском перешейке не на просимые 20–70 км, а лишь на 10 и обменять эту территорию на советскую, то в ответ получили: «предложение не приемлемо, но подлежит повторному рассмотрению», – а на языке дипломатов, не решивших главный вопрос, такой ответ является согласием. Но в вопросе о военной базе на мысе Ханко советская сторона по понятным причинам была принципиальна и искала мыслимые и немыслимые варианты. Характерно то, что если даже с Германией переговоры вел Молотов, то с финской делегацией переговаривал лично Сталин. Чего он только не предлагал! Мы не будем говорить об экономической стороне, о размерах компенсаций, о ценах во взаимной торговле. Когда финны заявили, что не могут терпеть иностранную базу на своей территории, он предложил выкопать поперек мыса Ханко канал и сделать базу островом, предлагал купить на мысе кусок земли и этим сделать территорию советской, а получив отказ и прервав переговоры, казалось бы, полностью, через несколько дней снова вернулся к ним и предложил финнам купить несколько мелких необитаемых островов у мыса Ханко, о которых финская делегация даже не слышала.

В журнале «Родина» за декабрь 1995 года была дана карта последних территориальных предложений СССР Финляндии. По несуразности малости просимой у финнов территории и по огромности предлагаемой им советской территории уже видно, насколько важен был для СССР этот проклятый мыс Ханко.

Когда читаешь описание тогдашних переговоров, становится очевидным, что финны никогда бы не пошли ни на какие просьбы СССР и ни в каких случаях. То есть, если бы, скажем, СССР согласился на предложение финнов по передвижке границы на 10 км и только, то следующим шагом финны забрали бы назад и это свое согласие. Когда стороны хотят договориться, то они ищут выгоды. Скажем, СССР предложил заплатить за переселение финнов с Карельского перешейка, но финскую сторону не интересовало, сколько он заплатит. Финны вроде согласились на обмен, но их не интересовало, где им даст СССР землю, насколько эта территория будет им выгодна, не торговались. А это очевидно показывает, что сами перего-

воры финны вели для проформы, не собираясь действительно достигать соглашения. Они вели переговоры с позиции силы. Читатель может удивиться – откуда у Финляндии сила против СССР?!

Дело в том, что мы почти всегда допускаем ошибку – мы на события тех дней смотрим сегодняшними глазами. Сегодня мы знаем, чем был СССР, мы знаем, что он почти один на один выдержал натиск всей Европы и победил. Но кто это знал тогда?..

* * *

Давайте вернемся в 1939 год и посмотрим на Россию глазами тех людей. Более 100 лет Россия не способна была выиграть ни одной войны. Десант англичан и французов под Севастополь в 1854 году принудил Россию сдаться. Балканская война, формально выигранная, была проведена столь слабо и бездарно, что ее старались не рассматривать даже при обучении русских офицеров. Проиграна война Японии, маленькой стране. В 1914 году русская армия почти вдвое превосходила армию австро-немецкую и ничего не способна была сделать. В 1920 году только оперившаяся Польша отхватывает у СССР огромный кусок территории. Да что Польша! В 1918 году белофинны со зверской беспощадностью громят советскую власть в Финляндии. И если в ходе боев с обеих сторон числится всего 4,5 тысячи убитых, то после них белофинны расстреливают 8000 пленных и 12 000 умирают с голода в их концлагерях. Были безжалостно убиты на территории Финляндии все русские большевики. А Советская Россия в помощь им даже пальцем не способна была пошевелить. Ведь гитлеровский «колосс на глиняных ногах» не из вакуума взялся, не таким уж дураком был Гитлер.

Вся разведка Финляндии наверняка велась через тогдашних диссидентов, поскольку не принималась во внимание их заинтересованность в соответствующем искажении действительности. Финская тайная полиция, к примеру, докладывала правительству накануне войны, что в СССР 75 % населения ненавидит режим. А ведь это означало, что нужно только войти в СССР, а население само уничтожит большевиков и встретит «армию-освободительницу» хлебом-солью. Генштаб Финляндии, базируясь на анализе непонятных действий Блюхера на Хасане, докладывал, что Красная Армия не способна не только наступать, но не способна и обороняться. Учитывая такую слабость противника, грех было не воспользоваться ею, и финское правительство не сомневалось, что один на один Финляндия способна вести войну с СССР не менее шести месяцев и победить. И оно было уверено, что за такой огромный срок сумеет привлечь на свою сторону какую-либо из великих стран в союзники.

Поэтому обычные для любой страны планы войны с соседом по отношению к СССР были у Финляндии исключительно наступательные. И отказалась от этих планов Финляндия только через неделю после начала войны, когда реально попробовала наступать. По этим планам линия Маннергейма отражала удар с юга, а финская армия наступала по всему фронту на восток в Карелию. При этом граница новой Финляндии должна была быть отодвинута и проходить по линии Нева – южный берег Ладожского – восточный берег Онежского озер – Белое море. Новая территория включала Кольский полуостров, при этом площадь Финляндии увеличивалась вдвое, а сухопутная граница с СССР сокращалась более чем вдвое. Она начинала проходить сплошь по глубоким рекам и мореподобным озерам. Надо сказать, что цель войны, поставленная перед собою финнами, если бы она была достижима, не вызывает сомнений в своей разумности.

Даже если бы не было финских документов по этому поводу, то об этих наступательных планах можно было бы догадаться и самому. Посмотрите еще раз на карту. Финны укрепили линией Маннергейма маленький кусочек (около 100 км) границы с СССР на Карельском перешейке и именно в том месте, где по планам и должна была проходить их постоянная

граница. А тысяча километров остальной границы? Ее почему не укрепляли? Ведь если бы СССР хотел захватить Финляндию, то Красная Армия прошла бы туда с востока, из Карелии. Линия Маннергейма просто бессмысленна, если Финляндия действительно собиралась обороняться, а не наступать. Но в свою очередь при наступательных планах строительство оборонительных линий на границе с Карелией становилось бессмысленным. Зачем бессмысленно тратить деньги? Ведь укрепления надо было построить, вернее – достроить, на новой границе!

Еще момент. Ведь если СССР, начав войну, решил захватить Финляндию, то остальные Скандинавские страны становились в очередь. Они должны были бы перепугаться, они должны были бы немедленно вступить в войну. Но... Когда СССР стали исключать из Лиги Наций, то из 52 государств, входивших в Лигу, 12 своих представителей на конференцию вообще не прислали, а 11 не стали голосовать за исключение. И в числе этих 11 – Швеция, Норвегия и Дания. То есть Финляндия для этих стран не казалась невинной девочкой, а СССР не выглядел агрессором.

Захватнические планы Финляндии подтверждаются и прямо. В 1941 году финны вместе с немцами напали на СССР. Мы начали энергично пробовать мирно вывести Финляндию из войны. По просьбе СССР посредниками стали Англия и США. Советский Союз предлагал вернуть Финляндии занятые в зимней войне 1939/40 года территории и еще пойти на территориальные уступки. Англо-американцы настаивали, угрожая Финляндии войной. Но финны не уступали, и в ответной ноте США 11 ноября 1941 года Финляндия заявила: «Финляндия стремится обезвредить и занять наступательные позиции противника, в том числе лежащие далее границ 1939 года. Было бы настоятельно необходимо для Финляндии и в интересах действенности ее обороны предпринять такие меры уже в 1939 году во время первой фазы войны, если бы только ее силы были для этого достаточны». Об этом вы можете сами прочесть в подборке документов упомянутого мной журнала «Родина». Они тем более убедительны, что весь журнал выдержан в сугубо антисоветском духе.

Все выше написанное я бы не назвал глупостью, в данном случае финское правительство опиралось в своих решениях на явно ошибочные данные. Глупость его в другом.

Столько лет живя с Россией и в России, финны не поняли ее, не поняли, что от нее они могут получить и в тысячу раз больше преимуществ, и максимально возможную защиту, если только будут дружелюбны к ней.

Не поняли, что нет на Западе стран, которые бы в деле войны действительно бы помогли такой маленькой стране, как Финляндия. Ведь к тому времени финны уже видели, как Запад, презрев тогдашнее НАТО – Восточный пакт, – бросил на растерзание немцам Чехословакию. Как оставил без защиты Польшу. Как можно было на Запад надеяться?..

* * *

Осенью 1939 года СССР заключил договоры о помощи с прибалтийскими странами. Их статус не менялся. Они остались буржуазными и самостоятельными, но на их территории были размещены советские военные базы. Южный берег Финского залива стал более-менее защищен. Как ответный жест Советский Союз передал буржуазной Литве большой кусок своей территории вместе с литовской столицей Вильнюсом, тогда – Вильно.

Оставалась проблема северного берега залива. Сталин пригласил финскую делегацию на переговоры, намереваясь их лично вести. Приглашение сделал Молотов 5 октября. Финны немедленно забряцали оружием и встали на тропу войны. 6 октября финские войска стали выдвигаться на исходные рубежи. 10 октября началась эвакуация жителей из приграничных городов, 11 октября, когда финская делегация прибыла в Москву, была объявлена мобилизация резервистов. До 13 ноября, более месяца, Сталин пытался уломать финнов предоставить

СССР базу на Ханко. Бесполезно. Если не считать, что за это время финская сторона демонстративно эвакуировала население приграничных районов, из Хельсинки и довела численность армии до 500 тысяч человек.

Что же тут поделать? Война так война. И 30 ноября Ленинградский военный округ начал укрощать строптивую Финляндию. Дело шло не без трудностей. Время было зимнее, местность очень тяжелая, оборона подготовленная, Красная Армия мало обученная. Но главное, финны – не поляки. Они дрались жестоко и упорно. Само собой разумеется, что маршал Маннергейм просил финское правительство уступить и не доводить дело до войны, но когда она началась, то руководил войсками умело и решительно. И только к марту 1940 года, когда финская пехота потеряла 3/4 своего состава, финны запросили мира. Ну что же – мир так мир. На Ханко начали создавать военную базу, вместо территории до линии Маннергейма на Карельском перешейке, забрали весь перешеек с городом Випури, ныне Выборгом. Границу почти на всем протяжении двинули в глубь Финляндии. Сталин убитых советских солдат финнам прощать не собирался.

В 1941 году Финляндия опять начала войну и союзника себе подобрала достойного – Гитлера. В 1941-м, напоминая, мы просили ее образумиться. Бесполезно. В 1943 году снова предложили мир. В ответ премьер Финляндии заключил с Гитлером личный пакт о том, что не выйдет из войны до полной победы Германии. В 1944 году наши войска пошли в глубь Финляндии, без больших проблем взломав отстроенную линию Маннергейма. Дело запахло жареным. Премьер с его личным обязательством фюреру ушел в отставку, на его место был назначен барон Карл Маннергейм. Он и заключил перемирие. В ходе мирных переговоров Молотов заставил финнов обезоружить немцев на своей территории и обстрелял Финляндию со всех сторон. На болота особенно не зарился, взял что получше. Такая тогда у министров иностранных дел СССР выучка была. На севере отобрал область Петсамо с ее запасами никеля, Выборгскую область и прочее. Единственно – вместо 600 млн. долларов контрибуции в пять лет смилоствовался на 300 и в шесть лет.

Ну не глупо ли? Предлагали Финляндии мирно увеличить ее территорию. Так нет – почти шесть лет войны, самое большое военное напряжение, убитые, калеки. Во имя чего? Чтобы Финляндия стала меньше, чем до войны?

А давайте представим, что финны были бы нашими союзниками и бились бы с немцами, скажем, в Норвегии. Они ведь показали себя отличными солдатами, да и Маннергейма царь не без заслуг награждал.

В 1945 году Сталин, невзирая на протесты США и Англии, передал Польше огромные территории Германии. И Черчилль, и Рузвельт считали Польшу недостойной, протестовали, и, как сейчас выяснилось, они были правы. Сталин ошибался, когда считал, что поляки излечились от подлости. Но если бы Финляндия участвовала в войне на нашей стороне, то не исключено, что Сталин бы, одновременно с передачей Польше немецких земель, двинул на запад и нашу границу, дав Калининградской области более надежную опору. Тогда почему не предположить, что он передал бы Финляндии, как союзнице и победительнице Гитлера, Карелию?

Глупая, крайне глупая война. Единственный ее положительный момент – у Финляндии началось просветление в мозгах.

* * *

После войны на Финляндию опустилась Божья благодать – у пришедших к власти политиков началось просветление в умах. Финляндия стала не просто нейтральной, для СССР она стала дружественно-нейтральной и от этого стала возможно единственным независимым государством мира.

Ведь по большому счету независимость нужна только для того, чтобы никому ничего лишнего не платить, чтобы никто тебя не грабил.

Даже СССР никогда не был вполне независимым, он зависел от своих союзников, он обязан был помогать им. И Финляндии он стал обязан за дружественное расположение, за то, что огромный кусок его нескончаемых границ прикрыло дружественное государство. Он распахнул для Финляндии свой рынок.

Но и Запад не мог оставаться безучастным. Ему никак не улыбалось, чтобы дело зашло еще дальше, чтобы Финляндия вступила в Варшавский договор. Поэтому и Запад распахнул свой рынок.

Сложилась ситуация, при которой два жениха-соперника, отчаявшись жениться, все же продолжают делать крутящей носом невесте подарки в надежде, что она, по крайней мере, не выйдет замуж за соперника.

Численность населения Финляндии не сильно отличается от Швеции или Швейцарии. Но весь мир знает первую по автомобилям «вольво» и оружию, вторую – по часам и точной механике. Никакого подобного товара финны не делают, у них товар среднего европейского качества.

Тем не менее расцвет ее экономики был таков, что в 70-х ее стали называть «европейской Японией».

Это, кстати, не льстит японцам. Они вассалы США и Запада. Им никто преимуществ не дает и они всего достигли за счет высочайшего качества своих товаров и при яростном сопротивлении мирового рынка. Скажем, Франция не могла найти закона, препятствующего продаже у себя японских товаров. Тогда она перенесла единственную таможенную для проверки японского экспорта в маленький городок и там несколько французских таможенников, не спеша, распаковывая каждую коробку с телевизором, проверяли дневную норму. Остальные японские товары многие месяцы ждали проверки на складах.

С Финляндией так никто не поступал, а если ее товар был уж очень не высок качеством, то его без проблем забирали советские внешнеторговые организации.

Это материальный итог действительной независимости, которой обладала Финляндия. Умная женщина, порадуемся за нее. И сегодня, когда наши придурки – бывшие братья – вопят о приеме в НАТО, финны презрительно заявили, что не видят опасности от России. Хотя, объективности ради, финны от развала СССР потеряли очень много, и мы обязаны испытывать к ним чувство признательности за то, что они практически не участвуют в беснующемся в мире антисоветском и антироссийском хоре.

* * *

Думаю, что на западных границах нам одной независимой Финляндии больше чем достаточно.

На кой ляд нам надо, чтобы независимыми были прибалты, поляки, чехи, венгры? Ведь за их независимость нам как-то придется платить. У нас что – есть лишние деньги? Пусть вступают в НАТО.

Однако здесь главный вопрос – чисто военный. Остановимся на нем. Судя по тем сведениям, что я имею, военная доктрина Варшавского Договора заключалась в следующем. В случае войны ракетные войска и ВМФ наносят атомные удары по США до тех пор, пока те не запросят мира. Захватывать США никто не собирался, сил для этого не было. А вот Европу щадили, ее предполагалось взять сухопутными войсками и заставить смириться. Для Варшавского договора такой план был по силам, но для России, даже для будущей России – независимой, это немыслимо.

Следовательно, в будущей войне мы наступать на НАТО не сможем, отражать сухопутные удары блока нужно будет на своей территории. Думаю, что тут и вариантов нет – жечь ядерными ударами придется и Америку, и Европу. Но надежно мы это сделать не сможем, сколько бы боеголовок ни имели.

Я вспоминаю прочитанные когда-то давно данные об американском компьютерном проигрывании нападения СССР на США. По условиям игры американцы пропускали ядерный удар 1444 боеголовок, суммарной мощностью 6550 мегатонн. При внезапном ударе их потери достигали 40 % населения и всего прочего. Но если войне предшествовал угрожающий период и они успевали эвакуировать города, то потери сокращались до 6 %. А это меньше, чем мы или Германия потеряли в ту войну.

То есть как бы удачно мы ни нанесли ядерный удар по НАТО, ожидать оттуда вражескую сухопутную армию приходится. А у нас на границах нет морей и океанов, как у США. Поэтому полагаю, что нам их придется создать искусственно – полосу радиоактивного, химического и бактериологического заражения, отсекающую нас от НАТО.

Вопрос – где ее создать? У себя? Нежелательно, все же это своя земля и отчуждать ее на тысячелетия не хотелось бы. Значит, в сопредельных странах. Но чем дальше эти страны будут от наших границ, тем труднее будет эту полосу создать – и враг будет перехватывать средства доставки, и полоса будет длиннее. Опять выбирать практически не из чего. Создавать ее надо по территории Польши, Венгрии, Чехословакии, не исключено, что и по территории прибалтов.

Но если эти страны будут нейтральны, то это свяжет нам руки. А вот если они входят в НАТО, тогда – они сами этого захотели. Вообще-то это ведь не трудно догадаться, что они пушечное мясо, а их страны – поле боя.

Что касается того, что эти страны усиливают НАТО, то это чушь. Во-первых, НАТО и без этого во много раз сильнее России. Во-вторых, подлецами не усилились. Сильно нас в ту войну усилил эстонский корпус? Он только попал на фронт, и эстонцы сотнями стали перебегать к фашистам. Пришлось его переформировать в строительный.

А какую военную коалицию в обозримом прошлом усилила Польша или Чехословакия? Не беда, если они «усилят» НАТО.

Единственно, что надо было сделать России обязательно – это не признать вступления в НАТО этих стран. Это ведь нарушение ранее заключенных договоров. Построить для США, Англии и Германии «золотой мост». Для чего?

Эти страны двуличны до степени, при которой забывают, что такое подлость. Ради каких-то литовцев, эстонцев или поляков они не жертвуют ни единым своим солдатом, ни одной жизнью.

И если в будущем у России возникнет необходимость военным путем разобраться с Польшей или Литвой, то надо будет действовать решительно, скажем – бросить пару боеголовок на Варшаву, и западные юристы на основании нашего непризнания вхождения этих стран в НАТО, немедленно подтвердят, что – да, что действительно – Польша не член НАТО по законам и должна разбираться с Россией самостоятельно.

Вопрос этот рассмотрен в принципе, конечно, он не так прост, но все же это один из вариантов решения и, как мне видится, не самый плохой или бессмысленный.

Глава 2

Генералы

Дискуссия о причинах поражения Красной Армии в начале Великой Отечественной войны уходит в глубь военного дела. Думаю, что уместно будет поговорить о тех, кто заказывает оружие и готовит армию к войне, – о генералах. По отношению к ним у историков и в обществе сложились совершенно искаженные представления: по описаниям историков невозможно понять, кто является хорошим генералом, а кто лишь создает о себе такое впечатление, являясь на самом деле пустым местом.

Давайте для начала зададим себе чапаевский вопрос: где должен находиться командир, настоящий генерал-профессионал? Уверен, что подавляющее большинство историков определит ему место там, где обычно наших генералов и снимали фотокорреспонденты, – в штабе у топографических карт. У нас сложился стереотип, что если умный и грамотный генерал – то работает с картами, а если вроде Чапаева, безграмотный, – то тогда впереди, на лихом коне.

Во многом это идет от пол итработни ков, начиная от Фурманова. Они всегда у нас этикие интеллектуалы. Кроме того, они непосредственно не командуют войсками и уже в силу этого безделья чаще сидят во время боя в штабе, что правильно, – никому не мешают. А когда они в штабе, а командир где-то впереди, то выглядит это не совсем красиво, думаю, что и поэтому тоже у нас в обществе властвует мысль, что грамотный генерал сидит за столом, окруженный телефонами, смотрит на карту и отдает распоряжения.

Вот, например, о маршале Кулике («железной маске» РККА) я встретил упоминания, причем пренебрежительные, всего у двух мемуаристов, и оба они политработники: Н.К. Попель и Д.Т. Шепилов. Думаю, что рабочее место у телефона и самим генералам не вопреки, чем плохо – сидеть в штабе и считаться грамотным полководцем? А в Генеральном штабе – так еще и великим.

Вот, к примеру, историк Зенькович описывает начальный период войны: с ее началом на Западный фронт были посланы маршалы Г.И. Кулик и Б.М. Шапошников: «Военачальники засели за карты и документы. Кулику такой род деятельности был в тягость, то ли дело живая организаторская работа в войсках. Узнав о готовящемся контрударе на Белостокском направлении, где находился заместитель Павлова генерал-лейтенант Болдин, маршал решил лично побывать там».

По тону этой цитаты легко понять, кого из маршалов Зенькович считает профессионалом, а кого – нет. Как видите, по его оценке Шапошников грамотный профессионал, а Кулик – глуповатый солдафон, который в картах не разбирается, поэтому и поехал в войска. (Попал вместе с ними в окружение и вышел из него пешком.)

Между тем топографическая карта – это лист бумаги с обозначенной условными знаками местностью. Генералу на нее имеет смысл смотреть только тогда, когда работники штаба на карту нанесли расположение своих войск и войск противника. Но Западный фронт с самого начала войны потерял всякую связь со своими войсками и его штаб ничего не знал ни о них, ни о противнике. Работникам штаба фронта нечего было нанести на карту, они не знали обстановки. И что же на этой карте рассматривал маршал Шапошников?

А Кулик, поскольку в штабе обстановка была неизвестна, уехал изучать ее на месте, т. к. настоящий военный профессионал изучает не карту, а местность, не донесения об обстановке, а непосредственно обстановку.

Вот где, к примеру, находился командующий второй танковой группой немцев Г. Гудериан утром 22 июня 1941 г.

«В 6 час. 50 мин. у Колодно я переправился на штурмовой лодке через Буг. Моя оперативная группа с двумя радиостанциями на бронемашинах, несколькими машинами повышенной проходимости и мотоциклами переправлялась до 8 час. 30 мин. Двигаясь по следам танков 18-й танковой дивизии, я доехал до моста через р. Лесна, овладение которым имело важное значение для дальнейшего продвижения 47-го танкового корпуса, но там, кроме русского поста, я никого не встретил. При моем приближении русские стали разбегаться в разные стороны. Два моих офицера для поручений вопреки моему указанию бросились преследовать их, но, к сожалению, были при этом убиты».

* * *

Судя по дневникам Гальдера, он и Гитлер в начале войны с наибольшим уважением относились к маршалу С.К. Тимошенко. Кстати, и предавший Родину генерал Власов, давая немцам показания о качестве советского командования, также отметил Тимошенко как наиболее сильного полководца.

Генерал И.И. Федюнинский пишет в своих мемуарах, что маршал Тимошенко изучал обстановку не так, как «профессионал» Шапошников: «С.К. Тимошенко очень детально изучал местность перед нашим передним краем. Целую неделю мы с ним провели в полках первого эшелона. Ему хотелось все осмотреть самому. При этом он проявлял исключительное спокойствие и полное презрение к опасности.

Однажды гитлеровцы заметили наши автомашины, остановившиеся у опушки леса, и произвели артиллерийский налет. Я предложил маршалу Тимошенко спуститься в блиндаж, так как снаряды стали рваться довольно близко.

– Чего там по блиндажам лазить, – недовольно сказал он. – Ни черта оттуда не видно. Давайте останемся на опушке.

И он невозмутимо продолжал рассматривать в бинокль передний край обороны противника. Это не было рисовкой, желанием похвалиться храбростью. Нет, просто С.К. Тимошенко считал, что опасность не должна мешать работе.

– Стреляют? Что ж, на то и война, – говорил он, пожимая широкими плечами».

Надо сказать, что и у нас были генералы, которые, как и Гудериан, ясно представляли себе свои обязанности и то, где они должны находиться во время боя. Вот генерал А.В. Горбатов, осмысливая итоги своего блестящего, по моему мнению, рывка от реки Сож к Днепру в конце 1943 г., решившего вопрос освобождения Гомеля, пишет: «Я всегда предпочитал активные действия, но избегал безрезультатных потерь людей. Вот почему мы так тщательно изучали обстановку не только в своей полосе, но и в прилегающих к нам районах соседей; вот почему при каждом захвате плацдарма мы старались полностью использовать внезапность и одновременно с захватом предусматривали закрепление и удержание его; я всегда лично следил за ходом боя и, когда видел, что наступление не сулит успеха, не кричал: «Давай, давай!» – а приказывал переходить к обороне, используя, как правило, выгодную и сухую местность, имеющую хороший обзор и обстрел».

И еще: «Большую роль сыграло вошедшее у нас в правило личное наблюдение командиров дивизий за полем боя с приближенных к противнику НП; это и позволяло вводить резервы своевременно. Оправдал себя и такой риск, как ввод в бой последней, резервной дивизии в той критической обстановке, когда на фронте в сто двадцать километров было так много больших разрывов».

Но в 1941 г. представление о том, где должен находиться генерал, было далеко не таким. Писатель А. Бек в декабре 1941 г. захронометрировал один день генерала А.П. Белобородова, командира 9-й гвардейской дивизии. Дивизия целый день вела неудачный наступательный

бой, тем не менее, целый день Белобородов не выходил из здания, в котором располагался его штаб, командовал по картам и донесениям.

А маршал Г.К. Жуков даже после войны пояснял, что 33-ю армию, выполнявшую главную задачу фронта Жукова, под Вязмой немцы окружили потому, что ему, Жукову, из штаба фронта не было видно – оставил генерал Ефремов силы для прикрытия своего прорыва к Вязме или нет. (Генерал Ефремов вывел для прикрытия прорыва 9-ю гвардейскую дивизию, но Жуков ее забрал и отдал 43-й армии, так как ему из штаба фронта не было видно, зачем эта дивизия в это место идет. Немцы по этому пустому месту и ударили, причем сначала всего лишь силами батальона, отрезав 33-ю армию от фронта).

Но наши историки Жукова считают военным гением, а Тимошенко чуть ли не таким же глупым, как и Кулика.

* * *

В связи с тем, что я часто пишу о Г.И. Кулике как об умном полководце, меня спрашивают – если это так, то за что же Сталин его разжаловал? В плане этой главы вопрос этот уместен.

Напомним обстановку осени 1941 г.

8 сентября немцы прорвались к Ладожскому озеру. По одну сторону их прорыва был Ленинград с войсками Ленинградского фронта, по другую – 8 дивизий 54-й армии. 10 сентября в командование Ленинградским фронтом вступил Г.К.Жуков, а в командование 54-й армии – Г.И.Кулик. Им была поставлена задача – встречными ударами уничтожить немецкий прорыв и деблокировать Ленинград. 12 сентября Гитлер запретил фельдмаршалу Леебу брать Ленинград и приказал его только блокировать, а основными силами прорваться через войска маршала Кулика на Тихвин и дальше вокруг Ладоги на соединение с финнами. Таким образом Кулик прорывался к Ленинграду, одновременно отражая атаки основных сил Лееба, а Жуков, которого немцы после 12 сентября вообще не атаковали, организовать прорыв со стороны Ленинграда оказался неспособен.

Когда через месяц стало ясно, что блокаду не прорвать, Сталин забирает Жукова к себе на Западный фронт, а Кулика посылает представителем Ставки на самый юг. Под командование Кулика попадает и подчиняющаяся Ставке 56-я армия, штаб которой находился в Ростове на Дону, а сам город был в тылу Южного фронта. Кроме этого Г.И.Кулик отвечал за оборону всего побережья Азовского моря от Ростова и Черноморского побережья Кавказа. На тот момент в его распоряжении были только пограничники, так как Крым был еще наш. Но вот Манштейн громит в Крыму наши Приморскую и 51-ю армии, которые были под общим командованием заместителя наркома ВМФ вице-адмирала Левченко. Приморская армия отступает в Севастополь, а 51-я армия бежит в Керчь. Из Керчи стрелковые части практически неуправляемой 51-й сами переправляются через Керченский пролив и бегут дальше – на Кавказ. Немцы окружают Керчь и выходят на Тузлскую косу, перед ними узкий Керченский пролив, не имеющий обороны Таманский полуостров и... Кубань и Кавказ!

В ночь на 10 ноября Сталин по телефону дает Кулику приказ: «Помогите командованию 51-й армии не допустить противника форсировать Керченский пролив, овладеть Таманским полуостровом и выйти на Северный Кавказ со стороны Крыма». Кулику дополнительно давалась одна горная дивизия и приказ выехать в Керчь.

Кулик выезжает в Керчь, на Таманском полуострове встречает стрелковые части 51-й армии, которые уже переправились через Керченский пролив и бегут. Останавливает их, разворачивает, назначает участки обороны на Таманском полуострове. Переправляется 12 ноября в Керчь и видит следующее.

Немцы вокруг Керчи захватили все высоты, чуть больше взвода немецких автоматчиков захватила крепость, разогнав защищавший ее батальон нашей морской пехоты. Город забит артиллерийскими и техническими частями, тылами и базами. Управление войсками утеряно, стрелковых подразделений для отбития у немцев высот практически нет, хотя Кулик и организывает такие попытки. Было очевидно, что как только немцы подтянут артиллерию, то уничтожат с высот наши войска так, что наши войска не смогут нанести немцам никаких ответных потерь.

13 ноября Кулику удастся связаться с Москвой и передать в Генштаб обстановку. Кулик предлагает, пока не поздно, эвакуировать Керчь. Москва и не подтвердила Кулику оборону Керчи, и не разрешила эвакуацию.

Связь с Москвой пропала на несколько дней. Что должен был делать Кулик? Будь он карьеристом, а не солдатом, он бы ждал. А вдруг приказ на эвакуацию уже дан, но Москва не может довести его до Керчи? Ведь тогда Кулик своим ожиданием явился бы виновником бессмысленной смерти тысяч человек и дорогостоящей техники. И не только это. Уничтожив или заблокировав 51-ю армию в Керчи, немцы не имели практически никаких советских войск перед собой в Тамани. И Кулик, вопреки ранее полученному приказу Сталина, эвакуирует Керчь, спасая людей и, кстати, около 2 тыс. стволов артиллерии. Начинает организовывать оборону Таманского полуострова. 16 ноября Шапошников передает наконец Кулику приказ Сталина: «Керчь держать до конца». Но Керчь уже сдана. Вернуть Керчь нечем и невозможно...

А в это время на его правом фланге 1-я танковая армия Клейста, прорвав Южный фронт выходит к Ростову. Кулик бросается в Ростов, в 56-ю армию. Командующий 56-й генерал Ремезов, которому не улыбается гибель Маршала Советского Союза в полосе его армии, жалуется в Генштаб Шапошникову: Немцы взяли Ростов, Кулик организывает войска 56-й армии для его освобождения, но освободили Ростов без него.

Его отозвали в Москву. Государственный Комитет Оборона принял решение:

«3. Попытка т. Кулика оправдать самовольную сдачу Керчи необходимостью спасти находившиеся на Керченском полуострове вооружение и технику только подтверждают, что т. Кулик не ставил задачи обороны Керчи во что бы то ни стало, а сознательно шел на нарушение приказа Ставки и своим паникерским поведением облегчил врагу временный захват Керчи и Керченского полуострова.

...На основании всего сказанного, Государственный Комитет Оборона постановляет привлечь к суду маршала Кулика и передать его дело на рассмотрение прокурора СССР. Состав суда определить особо».

А прокурор СССР В. Бочков подписал обвинительное заключение с такими словами:

«В Керчь Маршал Кулик Г.И. прибыл днем 12 ноября, застав панику в городе и полное отсутствие руководства боевыми операциями и управления войсками. Вместо организации обороны и насаждения жесткой дисциплины в войсках, а также вместо упорядочения руководства и управления ими – он без ведома и разрешения Ставки отдал приказание об эвакуации войск в течение двух суток и оставлении Керчи и ее района противнику.

Это преступное распоряжение грубейшим образом нарушало приказ Ставки, для проведения которого в жизнь Маршал Кулик Г.И. и был послан».

Суд признал правоту прокурора, Кулик был лишен всех наград и звания Героя Советского Союза, понижен в звании до генерал-майора, но из партии не исключен.

* * *

На примере Г.И.Кулика удобно ответить на вопрос – где должен находиться полководец-профессионал? Где должен был находиться тот, кто дал команду защищать Керчь? В

Москве или Керчи? Может, это была и правильная команда, но тот, кто ее дал, был обязан увидеть Керчь своими глазами, лично увидеть обстановку, чтобы ее оценить перед принятием решения, либо довериться тому, кто там командует.

Поэтому у немцев было правило – их генералы находились на передовой линии огня там, где происходил решающий бой. Так воевал Гудериан, фельдмаршал Роммель в Африке неделями не появлялся в штабе, переезжая или перелетая на самолете связи от одного места боя своей армии к другому. У нас, похоже, такого правила не было.

Кстати, и у немцев с этим были не все согласны. Гудериан в «Воспоминаниях солдата» писал:

«Значительно тяжелее было работать с новым начальником Генерального штаба генералом Бекком... С Бекком мне преимущественно и приходилось вести борьбу по вопросам формирования танковых дивизий и создания уставов для боевой подготовки бронетанковых войск...

Особенно был недоволен Бек уставными требованиями, что командиры всех степеней обязаны находиться впереди своих войск.

«Как же они будут руководить боем, – говорил он, – не имея ни стола с картами, ни телефона? Разве вы не читали Шлиффена?» То, что командир дивизии может выдвинуться вперед настолько, что будет находиться там, где его войска вступили в соприкосновение с противником, было свыше его понимания».

Чему тогда удивляться, что это было свыше понимания наших, начитавшихся Шлиффена, партийных идеологов и полководцев типа Жукова, свыше понимания большинства историков?..

Тут есть еще один момент. Есть наука стратегия – как выиграть войну. И есть тактика – как выиграть бой. У меня сложилось впечатление, что у нас, в среднем, как только генерал получает стол с картой и телефон, то он сразу становится стратегом и тактика ему уже не нужна. Это удел всяких там капитанов и майоров. Генерал уже не думает над тем, как выиграть бой, каким оружием это сделать, как подготовить и экипировать для боя солдат. Зачем ему это, раз он уже генерал?

Но, сидя в Москве, он пишет уставы и наставления, как вести бой, он заказывает оружие и экипировку для солдат. А потом получается, что вроде и оружие есть, и солдаты есть, а толку – нет.

У немцев, похоже, ни один генерал не мыслил себя не тактиком, они все были прежде всего тактиками, специалистами по победе в бою. Эту разницу следовало бы отметить и пояснить примерами, но сначала, все же, закончим с Г.И.Куликом.

Тут я должен перейти в область догадок на основе своего знания людей. Думаю, Г.И. Кулик был чрезвычайно самолюбивым человеком и припадки самолюбия его оглуляли.

Скажем, конструкторы В.Г. Грабин и А.З. Нудельман отзывались очень высоко об уме и профессионализме Кулика, но вот, что рассказывал Нудельман. Любое совещание, хоть у военных, хоть у штатских, начинается с того, что опрашиваются все присутствующие по вопросу повестки, а затем ведущий совещание принимает решение – «подводит черту». А Кулик, возглавляя совещание, сначала объявлял всем свое решение, а потом предлагал посоветоваться, т. е. это был «та еще штучка» – очень своевольный и самолюбивый человек. Он был честен, никогда свою вину не перекладывал на других, но и свою правоту отстаивал бескомпромиссно и не сообразуясь с уместностью.

Смотрите на развитие событий. «За оставление Керченского полуострова и Керчи» еще суровее был наказан вице-адмирал Г.И. Левченко. Суд приговорил его к 10 годам лагерей. Но Левченко признал свою вину. И что? Лагерь ему заменили разжалованием в капитаны первого ранга, а к 1944 г. он снова зам. наркома ВМФ и стал даже не вице-, а полным адмиралом.

Ведь для чего были все эти суды? В конечном итоге для того, чтобы 2 марта 1942 г. Верховный Главнокомандующий и нарком обороны мог подписать приказ с такими словами:

«...Кулик по прибытии 12 ноября 1941 года в г. Керчь, не только не принял на месте решительных мер против панических настроений командования крымских войск, но своим пораженческим поведением в Керчи только усилил панику и деморализацию в среде командования крымских войск.

...Верховный Суд 16 февраля 1942 г. приговорил лишить Кулика Г.И. званий Маршала и Героя Советского Союза, а также лишить его орденов Союза ССР и медали «XX лет РККА».

...Предупреждаю, что и впредь будут приниматься решительные меры в отношении тех командиров и начальников, невзирая на лица и заслуги в прошлом, которые не выполняют или недобросовестно выполняют приказы командования, проявляют трусость, деморализуют войска своими пораженческими настроениями и, будучи запуганы немцами, сеют панику и подрывают веру в нашу победу над немецкими захватчиками.

Настоящий приказ довести до военных советов Западного и Юго-Западного направлений, военных советов фронтов, армий и округов.

Народный комиссар обороны *И. В. Сталин*.

* * *

Нужен ли был такой приказ и нужна ли была такая жертва от Кулика? Думаю, что да.

Вот смотрите. Июль 1942 г., немцы рвутся к Сталинграду. В пересказе генерала Меллентина, вспоминает полковник немецкого Генштаба Г.Р. Динглер, служивший в это время в 3-й моторизованной дивизии немцев:

«Как правило, наши подвижные войска обходили узлы сопротивления противника, подавлением которых занималась шедшая следом пехота. 14-й танковый корпус без особого труда выполнил поставленную задачу, заняв оборонительные позиции фронтом на север. Однако в полосе 3-й моторизованной дивизии находилась одна высота и одна балка, где русские не прекращали сопротивления и в течение нескольких недель доставляли немало неприятностей немецким войскам.

Динглер указывает, что сперва этой высоте не придавали серьезного значения, полагая, что она будет занята, как только подтянется вся дивизия. Он говорит: «Если бы мы знали, сколько хлопот доставит нам эта самая высота и какие большие потери мы понесем из-за нее в последующие месяцы, мы бы атаковали более энергично».

...Балка удерживаемая русскими, находилась в тылу 3-й моторизованной дивизии. Она была длинной, узкой и глубокой; проходили недели, а ее все никак не удавалось захватить. Изложение Динглером боевых действий показывает, какой стойкостью отличается русский солдат в обороне: «Все наши попытки подавить сопротивление русских в балке пока оставались тщетными. Балку бомбили пикирующие бомбардировщики, обстреливала артиллерия. Мы посылали в атаку все новые и новые подразделения, но они неизменно откатывались назад с тяжелыми потерями – настолько прочно русские зарылись в землю. Мы предполагали, что у них было примерно 400 человек. В обычных условиях такой противник прекратил бы сопротивление после двухнедельных боев. В конце концов русские были полностью отрезаны от внешнего мира. Они не могли рассчитывать и на снабжение по воздуху, так как наша авиация в то время обладала полным превосходством.

...Балка мешала нам, словно бельмо на глазу, но нечего было и думать о том, чтобы заставить противника сдаться под угрозой голодной смерти. Нужно было что-то придумать».

Немцы, конечно, в конце концов придумали и взяли эту балку. Но: «Мы были поражены, когда, сосчитав убитых и плененных, обнаружили, что вместо 400 человек их оказалось

около тысячи. Почти четыре недели эти люди питались травой и листьями, утоляя жажду ничтожным количеством воды из вырытой ими в земле глубокой ямы. Однако они не только не умерли с голоду, но еще и вели ожесточенные бои до самого конца».

А в это же время, и в этом же месте, но с другой стороны фронта, генерал В.И. Чуйков, проезжая на Сталинградский фронт мимо штаба нашей 21-й армии, вскользь отметил:

«Штаб 21-й армии был на колесах: вся связь, штабная обстановка, включая спальный гарнитур командарма Гордова, – все было на ходу, в автомобилях. Мне не понравилась такая подвижность. Во всем здесь чувствовалась неустойчивость на фронте, отсутствие упорства в бою. Казалось, будто за штабом армии кто-то гонится и, чтобы уйти от преследования, все, с командармом во главе, всегда готовы к движению» (командовал этой армией генерал В.Н. Гордов).

* * *

Чем Сталин должен был пресечь у своих генералов эту «готовность к движению»?

Вообще-то на эту тему можно порассуждать, но другого пути пресечь бегство своих войск, кроме показательных наказаний бегущих, – нет.

Левченко это понял, а Кулик – нет. Он писал и доказывал свою правоту в Керчи: 30 января 1942 г. он написал Сталину в одной из многих объяснительных:

«Если дающие эти показания и составители этого письма называют правильную мою оценку обстановки, а исходя с оценки обстановки и правильное мое решение паникерским, пораженческим и даже преступным, то я не виновен в том, что они не понимают самых элементарных познаний в военном деле. Нужно было бы им усвоить, что самое главное преступление делает командир, если он отдает войскам заведомо невыполнимый приказ, войска его выполнить не в силах, гибнут сами, а приказ так и остается невыполненным».

Правы, Вы, Григорий Иванович, правы, но помолчите об этом до Победы. Ведь каждое Ваше слово – это основание другим советским генералам сдать советский город с надеждой потом оправдаться.

Ведь Сталин начал восстанавливать Г.И. Кулика, как и Г.И. Левченко. Ему было присвоено звание генерал-лейтенанта, он получил в командование гвардейскую армию. Молчи и вой! Но Кулик не молчит, и Шепилов доносами вместе с Жуковым его снова легко валят. Ну теперь-то уж хоть помолчи!

Но Кулик клятый. 18 апреля 1945 г. Председатель КПК Шкирятов предъявляет ему уже партийное обвинение: «Ведет с отдельными лицами недостойные разговоры, заключающиеся в восхвалении офицерского состава царской армии, плохом политическом воспитании советских офицеров, неправильной расстановке кадров высшего состава армии».

Думаю, что насчет «неправильной расстановки» Кулик мог говорить о том, что если бы в Ленинграде не было Жукова, то блокада бы его была прорвана еще осенью 1941 г., если бы в Крыму и на Кавказе не было генералов И.Е.Петрова и Г.Ф.Захарова, то Крым бы не сдали и т. д. Доносы на Кулика Сталину и в КПК написали генералы И.Е. Петров и Г.Ф. Захаров. Кулика исключили из партии и вновь понизили в звании до генерал-майора.

(И ведь Жуков, Захаров, Петров тоже правы – как им посылать на смерть людей, если Кулик утверждает, что они бездарны?)

После войны он служил в Приволжском военном округе замом командующего генерал-полковника В.Н. Гордова, тоже обиженного назначением в такой непрестижный округ. Круг говорящих и темы расширялись, теперь уже говорили о том, что колхозники ненавидят Сталина, что Сталин и года не удержится у власти, что Жуков в этом плане не оправдывает надежд генералов и т. д. Короче, в 1950 г. Кулик был приговорен к высшей мере наказания,

вместе с Гордовым и некоторыми другими любителями прощупывать почву в генеральской среде на предмет объединения недовольных.

Так и закончил свою жизнь, на мой взгляд, очень и очень неординарный Маршал Советского Союза. Трагическая и непростая история, но это наша история, и ее надо бы знать, поскольку и на ней можно многому научиться.

* * *

Но вернемся к генералам и тактике – к искусству и науке выигрывать бой.

Раньше мне уже приходилось писать, что, возможно, важнейшей субъективной причиной поражений Красной Армии в начальном периоде Великой Отечественной войны было то, что наши генералы (в сумме) готовились к прошлой войне, а не к той, в которой им пришлось реально воевать.

Но этот вопрос можно поставить еще более определенно и более актуально: а готовились ли они к войне вообще? Делали ли они в мирное время то, что нужно для победы в будущей войне, или только то, что позволяло им делать карьеру? Прочитав довольно много мемуаров наших полководцев, я не могу отделаться от чувства, что они, по сути, были больше профессионалами борьбы за должности и кабинеты и только во вторую очередь – военными профессионалами. Остается чувство, что их военное дело интересовало не как способ самовыражения, способ достижения творческих побед, а как способ заработка на жизнь. Это видно не только по мемуарам, а и по тому, как была подготовлена Красная Армия к войне.

В войне побеждает та армия, которая уничтожит наибольшее количество солдат противника. Их уничтожают не генералы и не офицеры, а солдаты, в чью боевую задачу входит непосредственное действие оружием.

И у профессионалов военного дела, как и у профессионалов любого иного дела, голова болит, прежде всего, о том, насколько эффективны их солдаты, их работники. Все ли у них есть для работы, удобно ли им работать? Бессмысленно чертить стрелки на картах, если солдаты неспособны достать противника оружием. А, глядя на тот период, складывается впечатление, что у нас до войны об этом думали в среднем постольку-поскольку, если вообще думали. Похоже, считалось, что главное – чтобы солдат был идейно подготовлен, а то, что он не умеет или не имеет возможности убить противника, оставалось в стороне.

Немцы исключительное внимание уделяли конечному результату боя и тому, кто его обеспечивает – солдату, у немецких генералов голова об этом болела постоянно, и это не могло не сказываться на результатах сражений начала войны.

Когда читаешь, скажем, о немецкой пехоте, то поражает – насколько еще в мирное время немецкие генералы продумывали каждую, казалось бы, мелочь индивидуального и группового оснащения солдат. И дело даже не в механизации армии, механизация – это только следствие вдумчивого отношения немецких генералов к военному делу.

К примеру, у нас до конца войны на касках солдат не было ни чехлов, ни сеток для маскировки, и они отсвечивали, демаскируя бойцов. А у немцев не то что чехлы или резиновые пояски на касках – по всей полевой одежде были нашиты петельки для крепления веток и травы. Они первые ввели камуфляж и разгрузочные жилеты. В походе немецкий пехотинец нес ранец, а в бою менял его на легкий штурмовой комплект – плащ и котелок с НЗ. Основное оружие – обычная, неавтоматическая винтовка, поскольку только она дает высшую точность стрельбы на расстояниях реального боя (400–500 м). У тех, для кого непосредственное уничтожение противника не являлось основным делом, скажем, у командиров, на вооружении были автоматы (пистолеты-пулеметы). Но немецкий автомат, по сравнению с нашим, имел низкую скорострельность, чтобы обеспечить высокую точность попадания при стрельбе с рук. (У нашего автомата ПППШ темп стрельбы – 1000 выстрелов в минуту, а у

немецкого МП-40 всего 350.) А вот у немецкого пулемета, из которого стреляют с сошек или со станка, темп стрельбы был вдвое выше, чем темп стрельбы наших пулеметов: от 800 у МГ-34 до 1200–1500 выстрелов в минуту у немецкого пулемета МГ-42 против 600 выстрелов в минуту нашего ручного пулемета Дегтярева и станкового пулемета Максима.

В немецком пехотном отделении не было пулеметчика – владеть пулеметом обязан был каждый. Но вручался пулемет самому лучшему стрелку. При постановке на станок на пулемет ставился оптический прицел, с которым дальность стрельбы доходила до 2000 м. Наши пулеметы тоже могли забросить пулю на это расстояние, но кого ты невооруженным глазом на такой дальности увидишь и как по нему прицелишься? Бинокли, кстати, в немецкой армии имели очень многие, он полагался уже командиру немецкого пехотного отделения. Кто хоть однажды в жаркий день пил воду из горлышка нашей солдатской алюминиевой фляги в брезентовом чехле, тот помнит отвратительный, отдающий алюминием вкус перегретой жидкости. У немцев фляги были в войлочных чехлах со стаканчиком, войлок предохранял воду от перегрева. И так во всем – вроде мелочи, но когда они собраны воедино, то возникает совершенно новое качество, которое заставляет с уважением относиться к тем, кто продумывал и создавал армию противников наших отцов и дедов.

Скажем, у командира немецкого пехотного батальона в его маленьком штабе был солдат-топограф, непрерывно определявший координаты объектов на местности и специальный офицер для связи с артиллерией. Это позволяло немецкому батальону в считанные минуты вызвать точный огонь полковой и дивизионной артиллерии на сильного противника. В немецкой гаубичной батарее дивизионного артполка непосредственно обслуживали все 4 легкие гаубицы 24 человека. А всего в батарее было 4 офицера, 30 унтер-офицеров и 137 солдат. Все они – разведчики, телефонисты, радисты и т. д. обеспечивали, чтобы снаряды этих 4-х гаубиц падали точно в цель и сразу же, как только цель появилась на местности. Стреляют ведь не пушки, стреляют батареи. Немецкие генералы не представляли бой своей пехоты без непрерывной ее поддержки всей артиллерией.

(Надо сказать, что и у нас кое-где было нечто похожее, но к 1943 г. генерал А.В. Горбатов вспоминает о боях за Гомель: «Вообще артиллеристы потрудились хорошо. Они расчищали огнем дорогу пехоте как при прорыве обороны противника, так и в ходе всего наступления. Квалифицированные офицеры-артиллеристы, как правило, были при батальонах; благодаря этому удавалось поражать цели с минимальным расходом боеприпасов».)

И возникает вопрос: а чем же занимались наши генералы, наши славные теоретики до войны? Ведь речь в подавляющем большинстве случаев идет о том, что до войны можно было дешево и элементарно сделать.

* * *

Кстати о теориях. В литературе часто встречается, что до войны у нас были гениальные военные теоретики, которые разработали гениальные военные теории. Но как-то не упоминается о том, что за теории в своих кабинетах разрабатывали эти военные теоретики и кому, в ходе какой войны, они пригодились.

А на совещании высшего руководящего состава РККА в декабре 1940 г., в частности, вскрылось, что в ходе советско-финской войны войска были вынуждены выбросить все наставления и боевые уставы, разработанные в московских кабинетах теоретиками. Выяснилось, что если действовать по этим теориям, то у наступающей дивизии практически нет солдат, которых можно послать в атаку. Одни, по мудрым теориям, должны охранять, другие отвлекать, третьи выжидать и т. д. Все вроде при деле, а атаковать некому. Дело доходило до того, что пулеметы сдавали в обоз, а пулеметчикам давали винтовки, чтобы пополнить стрелковые цепи. Такие были теории...

Командовавший в советско-финской войне 7-й армией генерал К.А. Мерецков докладывал на этом совещании:

«Наш опыт войны на Карело-финском фронте говорит о том, что нам немедленно надо пересмотреть основы вождения войск в бою и операции. Опыт боев на Карелофинском театре показал, что наши уставы, дающие основные направления по вождению войск, не отвечают требованиям современной войны. В них много ошибочных утверждений, которые вводят в заблуждение командный состав. На войне не руководствовались основными положениями наших уставов потому, что они не отвечали требованиям войны.

Главный порок наших боевых порядков заключается в том, что две трети наших войск находится или в сковывающих группах, или разорваны.

Переходя к конкретному рассмотрению боевых порядков, необходимо отметить следующее.

При наступлении, когда наша дивизия готовится к активным действиям в составе корпуса, ведущего бой на главном направлении, идут в атаку 16 взводов, причем из них только 8 ударных, а 8 имеют задачу сковывающей группы. Следовательно, в ударной группе имеется только 320 бойцов, не считая минометчиков. Если допустить, что и ударная и сковывающая группы идут одновременно в атаку, то атакующих будет 640 бойцов. Надо признать, что для 17-тысячной дивизии такое количество атакующих бойцов слишком мало.

По нашим уставам часть подразделений, расположенных в глубине, предназначены для развития удара. Они распределяются так: вторые эшелоны стрелковых рот имеют 320 бойцов, вторые эшелоны стрелковых батальонов – 516 бойцов, вторые эшелоны стрелковых полков – 762 бойца и вторые эшелоны стрелковых дивизий – 1140 бойцов. В итоге получается, что в атаку на передний край выходят 640 бойцов и для развития успеха в тылу находятся 2740 бойцов...

Крайне неудачно построение боевых порядков. Начальствующему составу прививаются неправильные взгляды на характер действия сковывающих групп, наличие которых в атаке действующих частей первой линии создает видимость численного превосходства в силах, тогда как на самом деле в атаке принимает участие только незначительная часть войск. На войне это привело к тому, что в боях на Халхин-Голе немедленно потребовали увеличения численности пехоты, считая, что в дивизии некому атаковать.

На войне на Карельском перешейке вначале командующие 7-й и 13-й армиями издавали свои инструкции, а когда появился командующий фронтом, он дал свои указания, как более правильно, на основе опыта и прошлой войны, и текущей войны, построить боевые порядки для того, чтобы повести их в атаку.

По нашим предварительным выводам, отмена по существу установленных нашими уставами боевых порядков во время атаки линии Маннергейма сразу же дала большие успехи и меньшие потери».

* * *

Рассмотрим еще кое-какие теоретические находки наших генералов, к примеру, требования наших тогдашних уставов, чтобы солдаты в обороне рыли не траншеи, а ячейки. В кабинете теоретика это требование выглядит блестяще. Ячейка – это круглая яма в рост человека. Боец в ней защищен от осколков землей со всех сторон. А в траншее он с двух сторон защищен плохо. Вот эти ячейки и ввели в Устав, запретив рыть траншеи. Под Москвой Рокоссовский залез в такую ячейку и переждал в ней артналет. Понял, что в ячейке солдат одинок, он не видит товарищей, раненому, ему невозможно помочь, командир не может дать ему команду. Рокоссовский распорядился вопреки уставам рыть траншеи. А до войны сесть в эту ячейку и представить себе бой было некому? От теорий некогда было отвлечься?

И ведь таких мелочей было тысячи! И из них слагались наши поражения и потери.

Рассказывал ветеран танкового сражения под Прохоро в кой на Курской дуге 1943 г. В этом месте 5-я гвардейская танковая армия Ротмистрова контратаковала атакующий 3-й танковый корпус немцев. Считается, что в этом сражении участвовало 1200 танков и немцы потеряли здесь 400 танков. Но когда после сражения к месту боя приехал Жуков, то он сначала собрался отдать Ротмистрова и остальных под суд, поскольку на полях сражения не было подбитых немецких танков – горели только сотни советских танков, в основном полученных по ленд-лизу американских и английских машин. Но вскоре выяснилось, что немцы начали отступать, то есть победили мы, и под суд никого не отдали и начали радоваться победе. Вопрос: а куда же делись немецкие подбитые танки? А немцы их за ночь все вытащили с поля боя и направили в ремонт. У нас таких мощных ремонтных служб не было: мы строили новые танки, а немцы обходились отремонтированными. Спасали они не только танки – в немецком танковом батальоне врач имел персональный танк, чтобы оказывать танкистам немедленную помощь прямо на поле боя.

А вот выписка из журнала боевых действий 16 танкового полка, 109 мотострелковой дивизии РККА, потерявшего все свои танки в ходе контрудара в районе Сенно-Лопель: «За период с 2.07 по 19.07.41 г. Отряд 109 мед прошел 500 км... из 113 танков боевые потери – 12, остальные вышли из строя по техническим причинам».

Но раз мы могли построить танки, значит, могли их и отремонтировать, в том числе и в полевых условиях, и так же быстро, как и немцы. Почему же мы танки бросали? Видимо, до войны из Москвы нашим генералам эта проблема не была видна, как и Мерецкову, который ничего не имел против полевых уставов, пока не начал по ним воевать.

Кстати, чтобы закончить о рассказе этого ветерана о сражении под Прохоровкой. Он был командир танка в этом сражении. Развернувшись в атаку против немцев, их рота в дыму и пыли потеряла ориентировку и открыла огонь по тем танкам, которые ей встретились. Те, естественно, открыли огонь по роте. Вскоре вышестоящий штаб выяснил, что они стреляют по своим. Но радиостанция во всей роте была только в танке этого ветерана. Он вынужден был вылезти из танка и под огнем бегать с лопатой от машины к машине, стучать ею по броне, передавая выглядывающим танкистам приказ прекратить огонь. Такая была связь, такое было управление.

А мы по-прежнему гордимся: наши пушки могли стрелять дальше всех! Это, конечно, хорошо, да только интереснее другой вопрос: как часто они попадали туда, куда надо? Мы гордимся – наш танк Т-34 был самым подвижным на поле боя! Это хорошо, да есть вопрос: а он часто знал, куда двигаться и куда он движется?

А основатель немецких танковых войск Г. Гудериан в своих «Воспоминаниях солдата» писал о 1933–1935 гг.:

«Много времени потребовалось также и на то, чтобы наладить производство радиоаппаратуры и оптики для танков. Однако я не раскаивался, что в тот период твердо настаивал на выполнении своих требований: танки должны обеспечивать хорошее наблюдение и быть удобными для управления. Что касается управления танком, то мы в этом отношении всегда превосходили своих противников; ряд имевшихся не очень существенных недостатков мы смогли исправить в дальнейшем».

Немцы абсолютно ясно представляли себе, что такое единоначалие и чем оно достигается. Э. Манштейн об единоначалии немецкой армии написал так: «Самостоятельность, не представлявшаяся в такой степени командирам никакой другой армии – вплоть до младших командиров и отдельных солдат пехоты, – вот в чем состоял секрет успеха».

Заботились немцы не только о, так сказать, деловом оснащении своих солдат, но и о моральном, причем, без партполитбесед. Скажем, о каждом случае героизма, о наградах, о присвоении званий сведения посылались не в какие-то армейские газеты, а в газеты в города

на родину героя, чтобы его родные и друзья им гордились. А такой контроль тех, за кого солдат воюет, значил много. Помимо орденов, были значки, которыми отмечались менее значительные подвиги, скажем, участие в атаке. В нашей армии офицеры имели специальные продовольственные пайки, полковники – личных поваров, генералы возили с собой спальные гарнитуры и даже жен. В немецких дивизиях не только офицеры, но и генералы ели из одного и того же солдатского котла. И это тоже делало немцев сильнее.

Упомянутый Манштейн в своих мемуарах даже пожаловался на такой демократизм, правда, вскользь. Описывая быт штаба командующего группой армий Рундштедта, он сетует: «... наш комендант штаба, хотя он и служил раньше в мюнхенской пивной «Левенброй», не проявлял стремления избаловать нас. Естественно, что мы, как и все солдаты, получали армейское снабжение. По поводу солдатского супа из полевой кухни ничего плохого нельзя было сказать. Но то, что мы изо дня в день на ужин получали только солдатский хлеб и жесткую копченую колбасу, жевать которую старшим из нас было довольно трудно, вероятно, не было абсолютно необходимо».

* * *

Если подытожить сказанное, то можно утверждать, что немецкое командование было гораздо ближе к тому, кто делает победу – к солдату, к бою. Это звучит странно, но это, похоже, так. Причем, идеология играла, и это точно, второстепенное значение. На первом месте была тактика, военный профессионализм – понимание, что без сильного солдата бесполезен любой талантливый генерал. Без выигранного боя бесполезен стратег. Мы за непонимание этого платили кровью.

Сделали ли мы на опыте той войны какие-либо выводы для себя в этом вопросе? Глядя на сегодняшнюю армию, можно сказать твердо – никаких!..

Глава 3

Творчество солдата

Творчество – это деятельность человека, порождающая качественно новые решения. Добавим – полезные людям. А то ведь, скажем, кто-либо прилюдно помочится в штаны – поступок качественно новый, но кому это надо?

Поскольку у нас в СМИ главенствующее место имеют комедианты, то в головы людей вбивается, что творчество присуще только комедиантам, в крайнем случае – ученым. И вот какой-нибудь комедиант, который всю жизнь на сцене говорил «кушать подано» с ударением на втором слове, вдруг скажет ту же мысль с ударением на первом – и мы обречены годами любоваться его физиономией на экране с его рассказами об этом «творчестве».

Между тем вряд ли есть творчество выше творчества борца вообще и творчества солдата (в общем смысле слова), в частности.

Ведь комедианту на сцене в его творчестве помогают все – от режиссера до осветителя. А генералу, офицеру, солдату, в принятии тех единственно правильных, нужных людям решений, мешает противник, мешает всей силой своего интеллекта и профессионализма. Генерал, в отличие от комедианта, не может свое решение опробовать на репетициях, найти нужное решение порою нужно за считанные секунды, последствия ошибок – ужасны. Порою таковы, что для ошибшегося генерала с совестью наказанием за ошибку является уже не смерть, а жизнь – так тяжело на совесть ложится эта ошибка.

Между прочим, это мало кто понимает из писателей, возможно, потому, что писатели не способны понять смысла действий офицера и, как следствие, не способны его описать. Я, к примеру, считаю, что только писатель В. Карпов оказался способным показать творчество генерала в своей книге «Полководец», да А. Бек в «Волоколамском шоссе». А большинство писателей написать роман о войне, без любовной интриги главного героя, просто не способны.

* * *

Но возвращаясь к творчеству. Герой Советского Союза В. Карпов отлично описал примеры полководческого творчества генерала И.Е. Петрова в книге «Полководец». Перескажу один.

В чем суть проблемы, потребовавшей от И.Е. Петрова творческого решения? К концу обороны окруженной Одессы требовалось эвакуировать оттуда наши войска в Севастополь. Эвакуировать можно было только морем.

Представьте на бумаге точку на линии – это Одесский порт и берег Черного моря. Обведите полукруг вокруг точки – это наши, обороняющие Одессу войска. Как их вывезти, чтобы немцы и румыны на их плечах не ворвались в порт и не утопили всех прямо в порту? В одну ночь погрузить всю Приморскую армию на суда невозможно, да и ночь является спасением до тех пор, пока противник не поймет, что наши войска эвакуируются.

Можно было бы эвакуироваться по частям – в одну ночь одну часть дивизий, в другую ночь другую часть дивизий и т. д. Но при этом большой полукруг обороны уже нельзя было бы удерживать, надо было оставшимся войскам отступать и защищать оборону ближе к порту. Но ведь противник не дурак, он бы понял, что Одесса эвакуируется и, кроме этого, чем ближе к порту, тем удобнее ему обстреливать суда в порту своей артиллерией. То есть оставшаяся часть войск была обречена на уничтожение.

Можно было эвакуироваться, как англичане в 1940 г. эвакуировались из французского Дюнкерка на Острова. Все английские граждане, имевшие хоть какие-то суда, по призыву правительства приплыли на пляж у Дюнкерка, английский экспедиционный корпус в одни сутки примчался на этот пляж, бросил все оружие, танки, технику (одних боеприпасов 70 тыс. тонн), сел на эти суда и с 20 %-ными потерями добрался до родины.

Генерал Иван Ефимович Петров, командовавший Приморской армией и обороной Одессы, сделал так. В течение ряда ночей из Одессы эвакуировались все подразделения и техника, которые непосредственно на переднем крае не участвовали в обороне Одессы. Были вывезены даже маневровые паровозы из порта. В последнюю ночь в порт зашли суда и пришвартовались в заранее определенных местах. Строго по временному графику, без шума, батальоны и батареи стали покидать передний край, а вместо них у редко расставленных пулеметов остались одесские подпольщики и комсомольцы, которые всю ночь постреливали. Чтобы не было путаницы, для каждого батальона мелом по земле была просыпана дорожка до самых судовых трапов. К утру судов не было видно даже на горизонте, а немцы и румыны еще долго не могли понять, что произошло во вдруг утихшей Одессе? По-моему, до сих пор нет аналога столь блестяще проведенной операции по эвакуации целой армии.

Второй пример творчества я хотел бы привести из воспоминаний К.К. Рокоссовского.

Кстати, он написал книгу в очень интересной манере. С одной стороны она почти научна, в ней очень много обобщений опыта войны и мыслей о войне. Если у Жукова в мемуарах сплошной надрыв и его личный героизм и гений, то у Рокоссовского книга очень спокойна, в ней нет истерики даже в описании тяжелейших моментов (а Рокоссовский ведь сражался от выстрела до выстрела, под Москвой был тяжело ранен). У него все всегда нормально. Да, положение тяжелое, но ведь он солдат – чего кричать, дело обычное, привычное. И все прекрасно – подчиненные прекрасные, население встречало прекрасно, и т. д. Практически ни о ком нет ни единого плохого слова. Но...

Но он дает много фактов, как бы говоря читателю: «Кто потрудился их понять, тому и без моих слов все станет ясно».

К примеру, Рокоссовский вводит нас в курс дела:

«В середине января по решению Ставки Верховного Главнокомандования на разных участках советско-германского фронта было предпринято новое наступление. Войска Западного фронта тоже продолжали наступательные действия. И мы в них участвовали, но теперь уже не на правом, а на левом крыле фронта. 10-я армия, которой командовал генерал Ф.И. Голиков, переживала тяжелые дни. Немцы не только остановили ее, но, подбросив силы на жиздринском направлении, овладели Сухиничами – крупным железнодорожным узлом. Пути подвоза войскам левого крыла фронта, выдвинувшегося далеко вперед, в район Кирова, были перерезаны.

Управление и штаб 16-й армии получили приказ перейти в район Сухиничей, принять в подчинение действующие там соединения и восстановить положение.

Передав свой участок и войска соседям, мы двинулись походным порядком к новому месту. М.С. Калинин повел нашу штабную колонну в Калугу, а мы с А.А. Лобачевым заехали на командный пункт фронта.

Здесь нас принял начальник штаба В.Д. Соколовский, а затем и сам командующий.

Г.К. Жуков ознакомил с обстановкой, сложившейся на левом крыле. Он предупредил, что рассчитывать нам на дополнительные силы, кроме тех, что примем на месте, не придется.

– Надеюсь, – сказал командующий, – что вы и этими силами сумеете разделаться с противником и вскоре донесете мне об освобождении Сухиничей.

Что ж, я принял эти слова Георгия Константиновича как похвалу в наш адрес...

От Ф.И. Голикова 16-й армии передавались 322, 323, 324 и 328-я стрелковые дивизии и одна танковая бригада вместе с участком фронта протяженностью 60 километров. Из наших старых соединений, с которыми мы сроднились в боях под Москвой, получили только 11-ю гвардейскую».

И дальше у Рокоссовского все прекрасно; командующие соседними армиями оказались однофамильцы Поповы – очень хорошо и т. д.

Но оцените суть приказа Жукова. По нормам той войны, полнокровной стрелковой дивизии в наступление давался участок фронта в 1,5–3 км. С теми силами, что Жуков выделил Рокоссовскому для этого наступления, участок фронта у него должен был бы быть максимум 15 км, а не 60! Более того, дивизия в обороне должна была занимать участок фронта в 6 – 14 км, т. е. наличных сил даже для обороны едва хватало. Но Рокоссовский истерики не устраивает и не требует дать ему резервы:

«Поставленная фронтом задача не соответствовала силам и средствам, имевшимся в нашем распоряжении. Но это было частым тогда явлением, мы привыкли к нему и начали готовиться к операции...»

В Сухиничах укрепились вновь прибывшая из Франции пехотная дивизия под командованием немецкого генерала фон Гильса, и плевать она хотела на те 4 дивизии, которые Жуков вручил Рокоссовскому. Ведь эти дивизии участвовали в наступлении зимы 1941 г., прошли с боями более 300 км и именно их немцы погнали обратно и выбили из Сухиничей. В этих дивизиях почти не было людей.

Немцы сидели в теплых домах, блиндажи и огневые точки у них были в теплых подвалах – чего им было бояться русских, наступающих по голым промерзшим полям, русских, которых они только что разгромили?

И Рокоссовский делает следующее. Он «покупает» немцев на их техническом превосходстве над нами. У немцев ведь была мощная радиосвязь и, в том числе, в каждой дивизии – рота радиоразведки. Рокоссовский приказал, чтобы переезжавшая к фронту колонна его штаба вела открытые переговоры так, как будто к Сухиничам передислоцируется не штаб 16-й армии, а вся 16-я армия, все ее дивизии. По довоенным нормам в общевойсковой армии РККА полагалось иметь 12–15 дивизий. Для одной немецкой дивизии силы все же несоизмеримые. И когда артиллеристы Рокоссовского стали пристреливаться по целям в Сухиничах, а его жалкие войска стали обозначать свое присутствие на исходных позициях, немцы не выдержали и ночью прорвались из города, не дожидаясь штурма.

Чтобы немцы не очухались и снова не взяли Сухиничи, а они впоследствии непрерывно делали такие попытки, Рокоссовский немедленно переместил туда свой штаб.

«Везде следы поспешного бегства. Улицы и дворы захламлены, много брошенной немцами техники и разного имущества. Во дворе, где размещался сам фон Гильс, стояла прекрасная легковая автомашина. В полной исправности, и никаких «сюрпризов». Вообще в городе мы нигде не обнаружили мин. Вряд ли можно было поверить, что гитлеровцы пожалели город. Они просто бежали без оглядки, спасая свою шкуру. Им было не до минирования».

И конечно:

«В Сухиничах штаб и управление устроились прекрасно... Гражданское население относилось к нам прекрасно».

* * *

Давайте скажем пару слов о принципах действия полководца, ведущих к победе. Шаблонов у полководцев не бывает, как и у любого человека, отвечающего перед Делом. Но есть

несколько проверенных способов победы, против которых, образно говоря, как против лома – нет приема.

Оборона и наступление. Опыт показывает, что если противоборствующая сторона подготовила себе оборону (отрыла окопы, укрытия, пристрелялась, поставила мины и т. д.) и заняла ее, то даже грамотный и сильный атакующий противник будет иметь в 3 раза больше потерь, чем обороняющийся. И сил для наступления ему надо в 3 раза больше, а порою – значительно больше.

Это надо знать, чтобы понять, к примеру, почему немецкий генерал Гильс бросил Сухиничи. Четыре наши ослабленные дивизии против его полнокровной дивизии, сидевшей в обороне, составляли всего 1,5-2-кратный перевес – пустяки. Но вся 16-я армия Рокоссовского, как Гильс ее себе представлял, составляла, как минимум, 5-6-кратный перевес. Согласно военной науке его дивизия подлежала окружению и полному уничтожению, поэтому он ее и отвел.

Окружение. Так как в наступлении потери втрое выше, чем при обороне, то наступающий полководец стремится сделать следующее. Он прорывает оборону на двух узких участках фронта (т. е. – несет большие потери только в этих местах), а затем вводит свои войска за спину противника (там где у него нет войск) и создает для него сплошное кольцо своей собственной обороной.

Окруженному противнику перерезаются пути снабжения, ему надо обязательно соединиться со своими войсками, а для этого надо атаковать. Поэтому тот полководец, кто окружает, не только резко ослабляет своего противника, но и превращает его из обороняющегося в атакующего, заставляет его нести большие потери на прорыве окружения.

Эти обстоятельства часто приводят к тому, что окруженный сдается, тогда «чистая» победа. Тогда по итогам безвозвратные потери того, кто окружил, в десятки раз меньше безвозвратных потерь того, чьи войска попали в окружение.

Но окруженный не всегда сдается. Примеры из той войны – Ленинград, Севастополь, немцы в демьянском котле, сидевшие сначала в полном окружении, а потом – в неполном более года. В таких случаях окруженный противник начинает сковывать свои войска (не давать воевать в другом месте), тогда он становится проблемой, порой нерешаемой (Ленинград, немцы в демьянском котле) или труднорешаемой (Сталинград).

Удары по флангам и тылам. Основой сухопутных войск является пехота (танковые войска следует рассматривать так, как их рассматривали немцы – очень хорошо вооруженной и очень подвижной пехотой). Если мы возьмем соединение пехоты – дивизию, то окажется, что в ней тех, кто непосредственно уничтожает врага лицом к лицу (стрелков, пулеметчиков, танкистов и т. д.), очень немного. Скажем, до войны полностью укомплектованная людьми стрелковая дивизия РККА должна была состоять из 17 тыс. человек, но тех, кто непосредственно ведет уничтожение врага, тех, кто именно для этого обучен и вооружен, в ней должно было быть чуть более 3 тыс. То же и в немецкой дивизии. Но эти 3 тыс. без остальных 14 тыс. воевать не могут. Скажем, если непрерывно не подавать войскам сотни тонн боеприпасов и горючего, то вся артиллерия и танки – не более чем груда металла. Это не оружие.

Вот эти 14 тыс. солдат дивизии должны всегда стоять за спиной 3 тыс. стрелков, поскольку сами они либо вообще не бойцы (шоферы, связисты, снабженческие службы), либо не бойцы без прикрытия стрелков (артиллерия, саперы).

Смысл удара в тыл и фланг – это обойти стрелков и нанести удар по многочисленной, но слабой части соединений противника, оставив этим его стрелков без боевого обеспечения, а потом расправиться с ослабленными стрелками. В общем заход во фланг и тыл – это предвестник окружения, но и без него такие удары вызывают у противника большие потери при относительно небольших своих.

В конечном итоге все способы боев, применяемые солдатами-творцами сводятся к принципу: заставь противника атаковать там, где ты силен, и атакуй его сам там, где он слаб. Если так делать, то его безвозвратные потери намного превысят твои и он потерпит поражение.

* * *

Но, конечно, отступление – самое тяжелое дело на войне – считают многие специалисты. Почему?

Пока войска находятся в обороне, они способны отбить атаки втрое превосходящего по силе врага. Они в окопах, в дотах и дзотах, перед ними минные поля и колючая проволока. Чтобы отступить им нужно бросить окопы и собраться в колонны. Противник может в промежутках между этими колоннами рвануться вперед и, если он более подвижный, чем свои войска, опередив отходящих, занять окопы и укрепления их нового рубежа обороны. А затем громить их спереди и сзади в чистом поле. Успешно отвести войска – это большое искусство и командиров, и штабов. Например, когда Юго-Западный фронт в начале войны попробовал отвести войска от границы на рубеж укрепленных районов (УР) старой границы, то 1-я танковая группа немцев элементарно опередила наши войска и захватила УРы и Житомир за ними. Пришлось занимать оборону в укрепленных районах непосредственно под Киевом. (Эти УРы были построены еще в 30-х годах.)

Маршал Баграмян об отступлении пишет:

«С военной точки зрения, отступление – самый сложный маневр. Надо суметь перехитрить противника, из-под самого его носа вывести войска с минимальными потерями, чтобы сохранить, а в дальнейшем накопить силы для нового удара. И все это в условиях, когда инициатива находится в руках врага, когда трудно определить, где он готовит очередной удар, где собирается устроить тебе ловушку».

И в 1941 г. труд этого тяжелейшего маневра взяли на себя «старые» маршалы: Ворошилов, Буденный, Кулик, Тимошенко. Но кто из историков оценил этот труд? Сейчас этих маршалов считают чуть ли не идиотами, да и в мое время, надо сказать, они были в тени. Я и в юности, к примеру, очень мало слышал о Тимошенко, а ведь он, кавалер ордена «Победа» и орденов Суворова I степени у него было больше, чем у остальных кавалеров этого ордена. Все, как сговорились, пишут, что в Ленинграде талантливый Жуков сменил неспособного Ворошилова. И, как один, забывают упомянуть, что Жуков сменил раненного в бою Ворошилова.

Между тем Ворошилову досталась тяжелейшая задача. Он должен был не дать немцам разгромить войска Северо-западного направления. А Гитлер считал их разгром обязательным условием наступления на Москву. В своей директиве № 21 «План "Барбаросса"» А.Гитлер приказывал:

«Театр военных действий разделяется Припятскими болотами на северную и южную части. Направление главного удара должно быть подготовлено севернее Припятских болот. Здесь следует сосредоточить две группы армий.

Южная из этих групп, являющаяся центром общего фронта, имеет задачу наступать особо сильными танковыми и моторизованными соединениями из района Варшавы и севернее нее и раздробить силы противника в Белоруссии. Таким образом будут созданы предпосылки для поворота мощных частей подвижных войск на север, с тем чтобы во взаимодействии с северной группой армий, наступающей из Восточной Пруссии в общем направлении на Ленинград, уничтожить силы противника, действующие в Прибалтике. Лишь после выполнения этой неотложной задачи, за которой должен последовать захват Ленинграда и

Кронштадта, следует приступить к операциям по взятию Москвы – важного центра коммуникаций и военной промышленности.

Только неожиданно быстрый развал русского сопротивления мог бы оправдать постановку и выполнение этих задач одновременно».

Но разгромить советские войска, управляемые К.Е. Ворошиловым, группа армий «Север» не смогла, – и не потому, что он их отводил слишком быстро. Ворошилов дрался и упорно, и умело.

Генерал-полковник Гот, командовавший в 1941 г. 3-й танковой группой немцев, после войны написал для создаваемого бундесвера военно-научную работу «Операция «Барбаросса». Он пишет:

«56-й танковый корпус должен был продвигаться от Порхова через Сольцы на Новгород, а 41-й танковый корпус – от Острова через Псков на Лугу. Имея перед собой слабого противника, они тем не менее продвигались вперед очень медленно».

Или:

«Несмотря на то что вышестоящее командование поторапливало, ожесточенные бои на плацдармах задержали наступление почти на четыре недели, пока не подошла 18-я армия. В результате отхода 41-го танкового корпуса на запад 56-й танковый корпус, который 15 июля подошел к Сольцам, оказался еще более изолированным. Не имея достаточного флангового прикрытия, обе дивизии подверглись ударам крупных сил противника с юга, северо-востока и с севера. Под угрозой окружения они отошли к городу Дно».

Еще штрих к деятельности Ворошилова. Танковый корпус Манштейна вместе с 41-м танковым корпусом составляли танковую группу Гепнера. Но задача корпусам была поставлена в расходящихся направлениях: 41-й корпус шел на Ленинград, а 56-й на Новгород. Манштейн этот план непрерывно критиковал, он убеждал, что нужно оба танковых корпуса собрать в единый кулак и ударить по Ленинграду с тем, чтобы взять его сходу. Наконец, он убедил в этом начальство, и ему 15 августа дали команду переводить 56-й корпус на соединение с 41-м корпусом. Он со штабом выехал по очень плохой (как он пишет) дороге и, проехав 200 км, оказался на месте. За ним двинулась 3-я мехдивизия. Но совместного удара по Ленинграду не получилось, так как уже 16 августа он получил команду ехать обратно и разворачивать обратно дивизию. А причина была в том, что войска маршала Ворошилова окружили в это время 10-й армейский корпус 16-й армии немцев, и теперь Манштейну поручили выручать эту армию.

Далее Гот пишет:

«Таким образом, в то время как ОКХ еще предавалось надежде в конце августа нанести решающий удар по Москве, Гитлер снова под влиянием одной неудачи группы армий «Север», имевшей местный характер, 15 августа принял решение: «Группе армий «Центр» дальнейшее наступление на Москву прекратить. Из состава 3-й танковой группы немедленно передать группе армий «Север» один танковый корпус (одну танковую и две моторизованные дивизии), так как наступление там грозит захлебнуться...»

Один из двух корпусов 16-й армии, продвигавшихся южнее озера Ильмень на восток, а именно 10-й армейский корпус, был атакован значительно превосходящими силами русских (восемью дивизиями 38-й армии) и оттеснен на север к озеру. В ответ командование группы армий «Север», стремясь облегчить весьма тяжелое положение 10-го армейского корпуса, решило выделить для нанесения контрудара одну дивизию СС и одну моторизованную дивизию, которые до этого принимали участие в боевых действиях под Лугой и в районе озера Ильмень... Сейчас же группа армий «Центр» была ослаблена на половину танковой группы, и это в момент, когда оставалось сделать последний шаг к достижению цели операции, то есть к овладению Москвой. Выделенный из состава 3-й танковой группы 39-й танковый корпус (12-я танковая, 18-я и 20-я моторизованные дивизии) был использован не

на месте, где решался исход операций, а направлен далеким круглым путем через Вильнюс на северное крыло группы армий «Север». Этому корпусу предстояло выполнить основное желание Гитлера: захватить Ленинградский промышленный район и изолировать «цитадель большевизма» от Москвы. Продвигаясь южнее Ленинграда на восток и преодолевая невероятные трудности, корпус достиг Тихвина. Несколько недель спустя 41-й танковый корпус, до этого успешно наступавший на Ленинград, вынужден был остановиться и отойти».

Из последней цитаты Гота следует, что действия именно Ворошилова поставили крест на плане «Барбаросса» и заставили Гитлера отменить наступление на Москву уже летом и еще раз попытаться разгромить войска Северо-западного направления, и опять – неудачно. Вопрос: почему же Ворошилов в нашей истории считается военной бездарностью?..

* * *

Характеризуя действия маршала Буденного, Гальдер отметил в своем дневнике 26 июля 1941 г.:

«Противник снова нашел способы вывести свои войска из-под угрозы наметившегося окружения. Это, с одной стороны, – яростные контратаки против наших передовых отрядов 17-й армии, а с другой – большое искусство, с каким он выводит свои войска из угрожаемых районов и быстро перебрасывает их по железной дороге и на автомашинах».

Если бы был жив Гудериан к тому моменту, когда наши историки начали вещать о том, что Тухачевский – гений и что немцы заимствовали у него идею использования массированных подвижных соединений, – это его бы сильно позабавило. Немцы действительно заимствовали советский опыт, но не опыты кабинетного Бонапарта. На второй день войны, когда еще ничего не было понятно, Гальдер записал в дневнике:

«Фон Бок с самого начала был против совместного наступления обеих танковых групп на Смоленск и хотел нацелить группу Гота севернее. В этом случае танковые группы Гота и Гудериана оказались бы разделенными почти непроходимой полосой озер и болот, что могло бы дать противнику возможность по отдельности разбить их обе. Эту опасность следует учитывать тем более, что именно русские впервые выдвинули идею массирования подвижных соединений (Буденный)».

Разгром советских войск, которыми командовал С.М. Буденный, Гитлер предусмотрел в плане «Барбаросса» следующим образом.

«Группе армий, действующей южнее Припятских болот, надлежит посредством концентрических ударов, имея основные силы на флангах, уничтожить русские войска, находящиеся на Украине, еще до выхода последних к Днепру.

С этой целью главный удар наносится из района Люблина в общем направлении на Киев. Одновременно находящиеся в Румынии войска форсируют р. Прут в нижнем течении и осуществляют глубокий охват противника. На долю румынской армии выпадает задача сковать русские силы, находящиеся внутри образуемых клещей.

По окончании сражений южнее и севернее Припятских болот в ходе преследования следует обеспечить выполнение следующих задач:

на юге – своевременно занять важный в военном и экономическом отношении Донецкий бассейн;

на севере – быстро выйти к Москве. Захват этого города означает как в политическом, так и в экономическом отношениях решающий успех, не говоря уже о том, что русские лишатся важнейшего железнодорожного узла».

И с этой частью плана у Гитлера ни черта не получилось – не смогли они замкнуть окружение у Киева, и румыны не помогли. Не смогли немцы занять Донецкий бассейн и двинуться к Москве. Наоборот, Гитлеру пришлось отказаться от «Барбаросса» (это вам не Фран-

ция!) и начать импровизации – снять танковую группу Гудериана с московского направления и бросить на юг. И это советским командованием было предусмотрено: планировалось зажать Гудериана между двумя фронтами и уничтожить, но, как я уже писал, помешало господство немцев в воздухе.

Фактически план «Барбаросса» получился у немцев только на Западном фронте предателя Павлова.

Сорвало немцам план «Барбаросса» мужество и стойкость советских войск, но разве справедливо забыть, кто ими тогда командовал?

* * *

А теперь о жестокости. Немцы величайшие знатоки войны (были), они много о ней думали и сделали массу общих, очень точных теоретических выводов. Начальник немецкого Генштаба прошлого века генерал Мольтке как-то сказал, что высшей формой гуманизма на войне является жестокость. Наверное, подавляющее число читателей воспримет это как шутку или парадокс. Но это не так. Сама война является парадоксом – ведь в мирной жизни мы стараемся уберечь человека, а на войне его требуется уничтожить.

Причем, на войне жестокость является гуманной акцией при применении ее как к противнику, так и к своим войскам.

Возьмите, к примеру, Чечню. В 1944 г. две дивизии НКВД осуществили операцию по восстановлению суверенитета на территории СССР – выселению с территории Чечено-Ингушской АССР всех чеченцев и ингушей. Причем, это были не безобидные и безоружные крестьяне. У них было изъято несколько тысяч стволов оружия, включая немецкое автоматическое и минометы. Никто не оказал ни малейшего сопротивления, в результате чего чеченцы и ингуши были расселены на востоке в подготовленное жилье (по военным возможностям) и обеспечены работой. Почему не было пролито крови? Потому что Сталин был истинным полководцем, следовательно – жестоким. У тогдашних чеченцев не было ни малейшего сомнения, что, окажи они сопротивление, и безусловно будут беспощадно уничтожены все сопротивляющиеся, кем бы они ни были – взрослыми, детьми или женщинами. Своей жестокостью Сталин проявил к чеченцам милосердие, он не дал им пролить своей, чеченской крови.

А наши нынешние гуманные, демократические, то ли подлецы-предатели, то ли идиоты, а скорее и то и другое? В 1995 г. начали восстанавливать суверенитет Чеченской Республики «гуманным» (в понимании этих и остальных кретинов) способом. В результате вся Чечня оказалась в развалинах, несколько сот тысяч человек убито, 400 тысяч собственно чеченцев бежало из Чечни куда попало – туда, где их никто не ждал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.